

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/2019

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945)..... 3

СТАТЬИ

З.Р. Зиннатуллина, И.А. Попп — Волостная юстиция
в Российской империи после отмены крепостного
права..... 6

СООБЩЕНИЯ

С.В. Ткачёв — Этапы процесса колонизации 20

В.Д. Пузанов — Дети боярские и дворяне Западной Си-
бири в XVII в. 34

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

А.Н. Нестеренко — Почему история не наука: размышле-
ния о специфике предмета, объекта и метода истори-
ографии..... 57

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

М.М. Агазаде — Проблема статуса азербайджанских
тюрьков в Иране..... 67

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

С.И. Мунжукова — История создания мемуаров Б.А. Эн-
гельгардта..... 76

Выходит
с 1926 года
ОоО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии

А. Н. Нестеренко

Аннотация. В публикации рассматриваются критерии научного знания и обосновывается, что ни одному из этих критериев история не соответствует. Следовательно, систематизированные представления о прошлом, с эпистемологической точки зрения, не являются наукой. Поэтому претензии историков на обладание достоверным объективным знанием не обоснованы. Историю следует рассматривать не как науку, а как синтетический вид мировоззрения, в котором научная рациональность сочетается с религиозным, мифологическим, обыденным и художественным видами мировоззрения.

Ключевые слова. эпистемология, наука, знание, мировоззрение, истина, нарратив, историография, история.

Abstract. The publication deals with the criteria of scientific knowledge, and it is argued that none of these criteria history correspond. Consequently, systematized ideas about the past (historiography), from an epistemological point of view, is not a science. Therefore, the claims of historians for the possession of reliable objective knowledge are not justified. History should be viewed not as a science, but as a synthetic kind of outlook, in which scientific rationality is combined with religious, mythological, everyday and artistic views of the worldview.

Key words: epistemology, science, knowledge, worldview, truth, narrative, historiography, history.

С того времени, как история заявила о себе как о науке, ее научный статус ставится под сомнение. Среди мыслителей, которые отрицали, что история — это наука, не только философы или писатели, такие как Фридрих Ницше, Артур Шопенгауэр, Лев Толстой, но и многие историки. Современная эпистемология достаточно подробно разработала вопрос — почему история не может рассматриваться как наука.

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (МГТУ). E-mail: rockwool@list.ru.

Nesterenko Alexander N. — candidate of philosophical sciences, associate professor of the Moscow State Technical University (BMSTU) named after N.E. Bauman. E-mail: rockwool@list.ru.

Доказать тезис о том, что история — это наука, историки пытаются с момента возникновения этой дисциплины. Определяя эту область как особый вид систематизированного и обоснованного знания о прошлом, историографы претендуют на то, что, в отличие от других видов представлений о прошлом, история является истинным и, следовательно, научным знанием. Однако если к знанию о реальности применимы критерии истины, то к рассказу о прошлом, который воплощается в форме нарратива, такие критерии неприменимы ¹.

Разумеется, прежде чем обсуждать вопрос является ли история наукой или нет, надо определиться с тем, какое знание мы будем называть научным. Сам по себе этот вопрос следует назвать дискуссионным. Можно констатировать, что объектом науки является объективная реальность, а предметом — всеобщие причинно-следственные связи, которые выступают в качестве необходимых и достаточных условий бытия. Эти связи наука формулирует в виде законов. Законы науки позволяют объяснить все попадающие под их действие единичные явления. В истории все явления уникальны и, поэтому, не могут быть объяснены на основании общих законов. Если задача науки — открытие общих законов, которые позволяют объяснить причины фактов, то, как отмечает Р. Дж. Коллингвуд, «научной истории» «не существует» так как историки не могут объяснить причины фактов прошлого, поскольку они не познаются эмпирически, а только в процессе логического вывода, и единственные законы, которым они подчиняются, — законы мышления ². Деятельность историка «состоит не в распутывании всеобщих причин или необходимых и достаточных условий, а в предъявлении нам цепочки событий (в той мере, в какой они могут быть установлены), которая является связующим звеном от одного обстоятельства к другому» ³.

Ученый, в отличие от историка, может определить необходимые условия для того, чтобы произошел какой-либо процесс (к примеру, переход вещества в новое агрегатное состояние). Историк не может установить, какие условия будут необходимы и достаточны для того чтобы, скажем, началась война. Он может лишь изложить факты, которые позволяют понять, почему данная конкретная война началась.

Основное различие между наукой и историей заключается в объекте. Историк изучает не мир физических объектов, независимый от сознания, а мир семантической реальности, созданный разумом. Если науки изучают объект, который непосредственно наблюдают, то историк имеет дело со свидетельствами других людей, но при этом у него нет возможности проверить их достоверность.

В отличие от изменчивого и бесконечного мира объективной реальности реальность семантическая неизменна и конечна. Если физическую реальность можно познать через наблюдение и эксперимент, то семантическая реальность умопостигаема, и она оперирует не объектами, а понятиями: «Мир историка — это символический, а не физический универсум» ⁴. Следовательно, прошлое познается только через текст.

Также следует внести ясность в то, каким критериям должно соответствовать знание, которое мы определяем в качестве научного. Научное знание — это знание, которое, во-первых, является логически и эмпирически доказанным.

Во-вторых, это знание — непротиворечивое, ценностно нейтральное и интерсубъективное — то есть независимое от позиции познающего субъекта и, поэтому, одинаковое для всех объективно и рационально интерпретирующее действительность субъектов познания.

В-третьих, это знание — объясняющее. А для того, чтобы что-то объяснить, его надо понять. Понимание означает, что знание можно проверить, воспроизведя его эмпирически, и применить на практике. Только отвечающее таким критериям объяснение, можно называть научным. Объяснения, которые не проверяются эмпирически, являются спекулятивными, так как с неизбежностью приводят к антиномиям. Именно поэтому научное знание атрибутивно апостериорно, а априорное знание, которое не может быть соотнесено с независимым от сознания объектом, не может быть научным.

Ни одному из этих критериев знание о прошлом не соответствует: «Если согласиться с определением Канта и применять термин “наука” только по отношению к знанию, достоверность которого аподиктична [безусловно достоверное, необходимое и непроверяемое], то станет ясно, что историю нельзя считать наукой»⁵.

Что же такое «историческая наука»? Это рассказ (нарратив) о событиях, имевших место в прошлом, структурированный во временной последовательности, основанный на пересказе других рассказов об этих событиях. Для этого рассказа принципиально важно понимание, что события относятся друг к другу в отношении до или после. Чем тогда история отличается от других видов познания и репрезентации прошлого, например, художественной литературы или публицистики? Делает ли историю наукой то, что историк, обосновывает свои аргументы ссылками на источники?

Прежде всего, надо отметить, что в истории, в отличие от науки, невозможно разделить объект исследования (прошлое) и познающего субъекта (историка), поскольку они представляют неразрывное целое. Это делает каждое прочтение (интерпретацию) прошлого, если только оно не сводится к простому копированию и компиляции источников, уникальным. В таком случае уровень работы историка определяется его способностью пересказать источники так, как это никто до него не делал. Но создание нового образа прошлого — задача не научная, а художественная, и в этом смысле труд историка не отличается от литературного труда.

Эпистемологической особенностью представлений о прошлом является то, что оно не существует, как объект и, поэтому, недоступно прямому наблюдению. Как отметил еще Платон, познаваемо только существующие, а знание соответствует своему предмету⁶. Объектом истории является прошлое, которое уже не существует как объективная реальность, и, следовательно, оно принципиально непознаваемо. В этом смысле о прошлом не может быть знания, поскольку оно не существует в качестве реального объекта. События прошлого — классический пример «вещей в себе» Канта, принципиально непознаваемых в силу невозможности получения непротиворечивого знания о контексте фактов прошлого: невозможно достоверно установить, почему описано именно это событие и именно так, а не иначе.

Создаваемые историей репрезентации обращаются не непосредственно к прошлому, которого уже не существует, а к артефактам, которые рассматриваются в качестве свидетельств о прошлом. Именно артефакты являются для истории объективной реальностью, которую она интерпретирует. Однако возникает вопрос: как установить, является ли данный артефакт отражением, пусть субъективным и неполным, того, что имело место в действительности или нет?

В историографии сущее сводится к тексту, который описывает актуальное небытие, и потому невозможно его эмпирическое повторение, а, следовательно, и проверка, выходящая за рамки логико-семантической системы. Фактически история — это дискуссия, содержание которой — диалог текста с другими текстами. В этом смысле «нарративные интерпретации являются не знанием, но организацией знания» ⁷.

Что бы ни утверждали историки, не существует никаких методов, позволяющих отличить в рассказе о прошлом правду от вымысла. Обусловлено это тем, что в историографии объект познания, в конечном счете, сводится к семантической реальности (тексту). Поэтому к ней не применим ни один из критериев истины, так как невозможна проверка, выходящая за рамки логико-семантической системы, и мы всегда вынуждены сравнивать один текст с другим, тогда как для проверки истинности надо сравнивать мысль с объектом. Поэтому представления о прошлом «никогда нельзя проверить точно таким же образом, как мы проверяем наши естественнонаучные гипотезы» ⁸.

В связи с этим возникает вопрос, чем руководствуется историк, если ему приходится выбирать между несколькими взаимно противоречащими суждениями? Никаких других оснований, кроме субъективной позиции автора, в распоряжении историка нет. Поэтому никакие репрезентации прошлого нельзя отнести к знанию и, следовательно, к науке.

Поскольку история это не что иное, как мнение, то и не существует никакого объективного (научного) способа систематизации представлений о прошлом. В лучшем случае, этот способ обусловлен традицией или конвенцией. Но, зачастую, эта систематизация основана на идеологии или же в ее основе лежат интересы тех, кто управляет настоящим ⁹. В связи с этим швейцарский историк Яков Буркхардт отмечает: «Из всех наук история является самой ненаучной, поскольку она в наименьшей мере обладает или может обладать надежным, признанным методом отбора материала» ¹⁰.

Вообще, необходимо отметить, что изучать прошлое — естественная способность человека, не требующая никаких специфических навыков или умений. Навык анализировать свое прошлое и оценивать его влияние на настоящее присущ каждому как неотъемлемый атрибут жизненного опыта и, в этом смысле, каждый человек является историком. Следует признать, что «исследовать прошлое и судить о нем — чрезвычайно банальное занятие, которому мы предаемся почти каждый день: например в процессе припоминания чего-либо или при ответе на такой простой вопрос, как “Где ты раздобыл такую шляпу?”» ¹¹ В таком случае, нет никаких отличий историографии, как одной из форм исторического познания, от других видов деятельности, разделяющих с ней интерес к прошлому.

Работа историка так же, как, например, работа журналиста, сводится к пересказу чужих слов и их интерпретации. Поэтому история — это не что иное, как компиляция фактов из различных источников, их сравнительный анализ и интерпретация с точки зрения позиции настоящего. Ведь то, как именно историк понимает и интерпретирует текст источника, обусловлено тем, что он живет в другое время и поэтому обладает знаниями о том, что произошло позже событий, о которых повествует данный источник. Такой подход изначально метафизический, а не научный, потому что предполагает недопустимую инверсию настоящего в прошлое, когда мы оцениваем исторические события с точки зрения того, как их видит исследователь, который живет в другой эпохе. В результате этого полученное суждение неизбежно носит оценочный характер, а любое оценочное суждение онтологически субъективно.

При этом источники — хроники, мемуары, документы, с которыми имеет дело историк, в конечном счете, не представляют научного интереса, так как не содержат ничего нового, и сами по себе не актуальны. Они могут быть интересны как художественные произведения, редкости, сувениры и т.д., но не как объекты науки. Фактически историография занимается бесконечным повторением одних и тех же фактов из одних и тех же источников. Ее «научная новизна» при этом сводится к новым интерпретациям.

Если действительно «наука начинается со знания нашего собственного незнания», то история в качестве науки должна начинаться не с компиляции источников, а с установления того, о чем они умышленно умалчивают¹². Ведь самое важное для понимания прошлого не то, что современники считают нужным оставить в качестве памяти о себе будущим поколениям, а то, что они хотят от них скрыть. Поэтому источники следует рассматривать именно с точки зрения того, о чем они умышленно умалчивают. Только таким способом мы устраним «белые пятна» прошлого и получим новое знание. Но и в этом случае история не станет наукой, потому что, если представление о прошлом, опирающееся на источники, имеет хоть какое-то независимое от познающего субъекта основание, то гипотетические представления о том, о чем источник не сообщает, целиком обусловлены субъектом познания. Конечно, логика позволяет выстраивать доказательную базу и таких гипотез, но в этом случае мы, как уже отмечалось, с неизбежностью приходим к антиномии.

Кроме того, каждая новая эпоха открывает новые горизонты понимания прошлого и требует его переосмысления. Поэтому история постоянно обречена на переписывание, а историк по отношению к своему источнику выступает как пророк. Но пророчество историка основано не на знании необходимых причинно-следственных связей, на котором основано научное прогнозирование, а на простой констатации того, что уже произошло. Современник не может знать, что случится в следующий момент времени и как на это повлияет настоящее. Историк, живущий в другую эпоху, это знает. Но, он не может дать научное объяснение, почему события произошли так, а не иначе.

В отличие от науки, которая изучает всеобщие и необходимые причинно-следственные связи, сформулированные в виде законов, история изучает единичное и случайное. Еще Аристотель обнаружил эту особен-

ность представлений о прошлом, утверждая что «поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном»¹³. То есть художественная литература «научнее» историографии, ибо последняя — простое собрание «фактов», в то время как писатель или поэт на основании фактов делает свойственные науке выводы о всеобщих необходимых принципах устройства бытия.

Есть история Французской революции, а есть история Франции XVIII века. Есть история Европы XVIII века. Все эти частные истории, которые можно конкретизировать до атомарного состояния, биографий отдельных личностей, связаны между собой только семантическими конструкциями, воплощенными в нарративе. Общих законов, которые могут объединить в единую систему причинно-следственных связей и объяснить, почему произошло именно так, а не иначе, в истории нет. Поэтому невозможно построение научной теории, которая служит для объяснения эмпирически установленных регулярностей. «Теоретическое построение, которое не может объяснить ни одной регулярности, теорией не является»¹⁴. Отличие науки от истории заключается в том, что наука конструирует объясняющие теории, а история — нарративы. Это различие выражается в том, что «наука имеет дело с предикатами, а историография — с высказываниями»¹⁵.

Если научная теория — это не просто описание причинно-следственных связей, но и каузальное объяснение, то есть подведение индивидуальных случаев под гипотетические общие законы, то историческое повествование — это только репрезентация прошлого с точки зрения настоящего. И если научная теория описывает существенные свойства объекта, то исторический нарратив рассказывает не о прошлом, а о том, как его представляет историк. В этом смысле историю можно назвать диалогом настоящего с прошлым.

Научная теория объясняет, если не содержит противоречия. Поэтому объяснение в науке имеет форму: «это произошло потому, что». Форма: «это произошло поэтому или совсем по-другому» не может рассматриваться как научное объяснение. Как отмечает А. Мегилл, идеалом науки является создание единственной, непротиворечивой теории, а идеалом истории — оставить суждение в пространстве между противоречивыми утверждениями¹⁶.

Факт прошлого можно объяснить только при помощи другого факта прошлого, рассматривая их в отношении причина-следствие. Но данное отношение будет носить единичный случайный характер, принципиально отличный от причинно-следственных связей, изучаемых наукой. Например, причиной второй мировой войны стало нападение Германии на Польшу в 1939 г., а ее следствием — поражение Германии в 1945 году. Но взаимосвязь этих двух фактов, безусловно связанных между собой, объяснить «по-научному» невозможно, так как между ними нет необходимой причинно-следственной связи, которую можно сформулировать или описать в виде закона.

Единственно возможная проверка достоверности фактов прошлого — определение их соответствия источнику. Но проверить достоверность сведений, изложенных в источнике, полноту и соответствие его событиям, имевшим место в действительности, возможно только в об-

ласти разума или интуиции, что исключает отнесение истории к научному знанию. Разные концепции понимания прошлого — есть дискуссия не о фактах или событиях, имевших место в действительности, а об их интерпретации. Репрезентация прошлого — это всегда паллиатив: текст — субъективная упорядоченность фактов, зависящая от воли его автора.

Даже в тех случаях, когда прошлое можно реконструировать, такая проверка нарратива не позволяет установить его истинность. Исторические реконструкции доказывают только возможность того или иного гипотетического события, но не позволяют утверждать, что оно на самом деле произошло в реальности. Например, историческими реконструкциями успешно занимался Тур Хейердал. Его эксперименты подтвердили гипотезу о возможности контактов культур древнего Средиземноморья и Полинезии с Мексикой и Перу, однако не доказали, что они имели место в действительности.

Еще одной отличительной особенностью научной теории является использование общих понятий, которые обозначают конкретную реальность и могут быть с ней однозначно и интерсубъективно соотнесены в процессе познания. Прошлое описывается с помощью сингулярных высказываний, а систематизируется с помощью концептов, которые произвольно соотносятся с бесконечным множеством разнообразных конкретных реальностей, объединяемых по пространственно-временному признаку, или вообще не соответствуют никакой реальности. Например: Средние века, Ренессанс, вторая мировая война, татаро-монгольское иго, период феодальной раздробленности и т. д.

Так как понятия, которые используют историки для репрезентации прошлого, не имеют однозначного соответствия реальности, они не могут интерпретироваться интерсубъективно. Какие события входят в понятие Великая Октябрьская революция и как их ранжировать по важности? Или это была не революция, а переворот? Соответственно возникает вопрос, а что же следует понимать под революцией. Тогда сторонники того, что это была революция, найдут факты, которые подтверждают их теорию. Противники этой концепции приведут факты, ее опровергающие. Нет и не может быть однозначного ответа на вопрос, когда революция началась и когда закончилась. Было ли две революции (Февральская и Октябрьская) или одна. Таким образом, не одно из историографических описаний событий в России 1917 г. не может быть ни более объективным и ни более истинным, чем конкурирующие описания. В результате историография основывается «на гипотетических конструкциях возможных объектов исследования, требующих толкования с помощью процессов воображения, имеющих больше общего с “литературой”, чем с какой-либо наукой»¹⁷.

Атрибутом научного знания является его объективность. История выступает как инструмент объективизации памяти, но память всегда носит не только субъективный, но и ценностно-ориентированный характер, что делает представления о прошлом атрибутивно субъективными. История дает оценки прошлому с точки зрения морали. Она выносит суждения о значении события, наделяя его положительным или отрицательным значением.

Исторические источники и их компиляции в историографии предполагают использование метафизических понятий, таких как добро, зло, красота, польза, вред и т. д., которые комбинируются с событиями (фактами) прошлого. Но «решение моральных проблем лежит вне сферы науки. Мнение ученого о том, что есть добро, а что есть зло, не более обоснованно, чем мнение любого другого человека»¹⁸.

История представляет собой совокупность множества концептов, основанием которых выступают конвенционально принятые, как особо значимые (памятные), события (даты). Таким образом, прошлое становится историей путем создания концептов, на основании которых совокупности фактов приписывается смысл и в соответствии с этим смыслом они систематизируются и обобщаются, становясь обозначением для определенного пространственно-временного континуума.

Возникает вопрос: что является основанием для создания концептов? Почему историк осуществляет репрезентацию фактов прошлого именно таким, а не иным образом? Признание тех или иных событий значимыми обуславливает отношение историка к прошлому. Соответственно существует множество разных описаний прошлого («историй»), которые соответствуют представлениям различных «мы-групп» в разные моменты времени, о своем коллективном прошлом. В рамках этих представлений одни события признаются значимыми, другие — целенаправленно игнорируются. В конечном итоге историк будет интерпретировать события прошлого не исходя из фактической реальности, а в рамках парадигмы, заданной историографическим концептом.

Таким образом, фактологический континуум, включенный в содержание исторического концепта, определяется не объективной необходимостью, а рациональностью, основанием которой выступает мировоззренческая позиция историка. В этом смысле не события прошлого определяют содержание концепта, а позиция и интересы историка детерминируют над тем, как он описывает события прошлого, а история — «это всегда реакция заинтересованного лица, сторонника той или иной позиции»¹⁹.

Это неизбежно приводит к тому, что историк соотносит некоторые события прошлого с каким-то концептом на основании своих субъективных пристрастий, обусловленных его принадлежностью к определенной группе. Н.М. Карамзин сформулировал эту мысль так: «Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона»²⁰.

Чем меньше в обществе свободы, тем больше история выступает в качестве политического инструмента, направленного на то, чтобы управлять представлениями о прошлом: устанавливать «новые» праздники, возводить мемориалы, утверждать учебные программы, заказывать произведения искусства, прославлять одних исторических личностей и уничтожать память о других. Чтобы придать такой политике легитимность, история причисляется государством к наукам, а полученные ею представления о прошлом представляются как истина. В этом смысле

история тяготеет к догматизму, в то время как научному знанию атрибутивно свойственна плюралистичность.

Но, настоящее становится прошлым в результате актуализации различных равновероятностных альтернатив, подчиняющихся в большей степени случаю, чем рациональной деятельности индивидов и социальных групп. Следовательно, невозможна единственно верная безальтернативная интерпретация исторических событий. Поэтому не существует одной истории, а есть множество нарративных репрезентаций прошлого, каждая из которых отражает потребность определенной группы в определении идентичности в рамках смыслового континуума «мы-они». Но ни одна из них не имеет эксклюзивного права на истину: «не существует одного прошлого потому что не существует одного настоящего»²¹.

Историю, как деятельность, направленную на систематизацию представлений о прошлом, следует рассматривать как синтетический вид мировоззрения. Она сочетает в себе создание образов (мифология), постулаты, принимаемые на веру (религия), обусловленность личным опытом (обыденное), литературную форму и содержание (художественное) с признаками научного мировоззрения, проявляющегося в использовании понятийного аппарата, доказательстве выдвигаемых гипотез и критическом отношении к свидетельствам источников.

История по форме, содержанию и способам репрезентации прошлого относится не к науке, а к идеологии, искусству, мифологии, обыденному мировоззрению и религии. Она представляет собой «гермафродит научной рациональности и литературной формы»²².

Таким образом, то, что мы называем исторической наукой, эпистемологически представляет собой метафизическую спекуляцию, которая неприменима для понимания реальности и, следовательно, не является ни наукой, ни научным методом. Поэтому, сложившуюся в социуме систему представлений о прошлом следует называть не исторической наукой, а историографией.

Примечания

1. О невозможности применения к рассказу о прошлом критериев истины рассуждает, например, Ф.Р. Анкерсмит в работе «Нарративная логика. Семантический анализ языка историков». См.: АНКЕРСМИТ Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М. 2003, с. 101—117.
2. КОЛЛИНГВУД Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М. 1980, с. 169.
3. ОУКШОТ М. Деятельность историка. В кн.: Рационализм в политике и другие статьи. М. 2002, с. 144.
4. КАССИРЕР Э. Избранное. Опыт о человеке. М. 1998, с. 677.
5. Там же, с. 679.
6. ПЛАТОН. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. М. 1994, с. 211—212; 257.
7. АНКЕРСМИТ Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. 2003, с. 123.
8. КОЛЛИНГВУД Р. Дж. Ук. соч., с. 9.
9. «Кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». ОРУЭЛЛ ДЖ. «1984» и эссе разных лет: Роман и художественная публицистика. М. 1989, с. 41.
10. БУРКХАРДТ Я. Размышления о всемирной истории. М.-СПб. 2013, с. 401—402.
11. ОУКШОТ М. Ук. соч., с. 129—130.

12. КОЛЛИНГВУД Р. Дж. Ук. соч., с. 12.
13. АРИСТОТЕЛЬ. Поэтика. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М. 1983, с. 655.
14. ЛООНЕ Э.Н. Современная философия истории. Таллин. 1980, с. 176.
15. АНКЕРСМИТ Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М. 2003, с. 351.
16. МЕГИЛЛ А. Историческая эпистемология. М. 2007, с. 194.
17. УАЙТ Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург. 2002, с. 12.
18. ЛЕФЕВР В.А. Стратегические решения и мораль. — Рефлексивные процессы и управление. 2002, т. 2, № 1, с. 24—26.
19. ОУКШОТ М. Ук. соч., с. 137.
20. КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. 1. М. 1989, с. 14.
21. ОУКШОТ М. Ук. соч., с. 138.
22. РЮЗЕН Й. Утрачивая последовательность истории. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М. 2001, с. 10.